НамХана!

2015

Саркастический цифровой манускрипт
Выпуск #1

Добро пожаловать внутрь!

Здесь – любительская футурология, альтернативная пост-апокалиптика, психоделическое краеведение, раздавленные помидоры, неприкрытый снобизм и многое другое

Завещание

Метро

Мясорубка

Рыбный день

Свадьба

Завещание

Скоро.

Осталась какая-то малость, и всё кончится. Кончится насовсем. Никаких запасных выходов и объездов; никаких резервных копий и перемоток назад.

«Граждане, выходите с поднятыми руками к стойке регистрации номер ноль.»

«По техническим причинам переход на станцию 'Обетованная' закрыт, пользуйтесь другими пересадочными узлами.»

Однажды Карл Брюллов проходил по улице Халтурина и один из атлантов сказал ему, буквально, следующее:

– Послушай, гигантоман! Концепция линейного времени исчерпала себя. С тех пор как Сатурн занял свое место в четвертом доме, мы, команда твердых в вере, поняли, что настал момент переворота песочных часов. У каждого тела, у каждой идеи – своя роль и своя судьба. Мы добросовестно делали свое дело, но наша миссия завершается. Тебе, Карл, предстоит огласить финальное пророчество в доступной простым смертным форме.

Так, согласно дневниковым записям, Брюллов оказался в итальянской командировке.

А парочки новобрачных оптимистов все еще ловят удачу, держась за пальцы атлантов, ждут доброго знамения. Но увы, – гранитные титаны устали от нас. Они разочарованы во всем, и в их бессонных зрачках поднимается лиловый гриб. При первых же трубных звуках, атланты вывернут этот протекающий купол разорившегося цирка в Тартар и выгнут, наконец, спину, похрустывая компрессионными переломами.

Полюса уже летят навстречу друг другу, Северный и Южный, как разлученные близнецы. В одно прекрасное воскресенье августа они столкнутся и аннигилируют.

Пшик!

И все – тишина и покой. Конец бестолковому лаю собаки в коридоре, можно не мыть посуду, почетный караул делает «вольно». Собаки, полюса, посуда, материки и троллейбусы слеклись в однородное пространство-время без имен, без границ, без пограничников. Красота!

Или, может, комета? Да, комета, пожалуй, предпочтительнее. Хвостатое тело, покрытое осинами и богохульными именами, мчится по предсказанной траектории из глубин вселенной. И вавилонская блудница верхом, как ведьма на метле. Из минус бесконечности – в точку А, точку нарушения симметрии.

Хлоп!

Что-то вроде космического ДТП, – по телику показывали. У этих прямых включений самые высокие рейтинги.

Все камеры – на эпицентр взрыва, все внимание – на развитие событий. «Счет жертвам идет уже на десятки тысяч. Это касается нас всех. Мир никогда уже не будет таким как прежде.» И так каждый день, с утра до вечера.

А раньше-то вы о чем думали? Где план эвакуации? Где спасательные шлюпки, плоты, парашюты, ампулы с ядом? Только вот эта повестка по поводу всеобщей мобилизации?

Скоро...

Это будет день, когда земля разрешится от бремени своего. Все условности разом падут, заваленные стропилами старого мира, а светофоры превратятся в виселицы. День, когда все каналы будут передавать белый шум, когда деньги впервые перестанут решать любые вопросы, а электроприборы станут бесполезными коробками с проводами.

В этот день тетя Таня достанет, наконец, со шкафа свой потаенный сверток с иконами и сберкнижками и будет долго сидеть, прижимая его к груди и вслушиваясь в тиканье будильника.

Исповедаться? Построить дамбу? Ковчег? Затариться солью? Ввести военно-полевые суды на время переходного периода? Любое вмешательство лишь усложняет и запутывает. Тасманский волк, Стеллерова корова, раздавленный агонизирующим циклопом помидор – разницы никакой.

Я завещаю свой мозг в институт Бехтерева. Мое движимое и недвижимое имущество, а именно, – дорожный велосипед, коллекцию журналов «Химия и жизнь», набор корпусной мебели «Катюша» – прошу разделить равными долями между жителями планеты Земля.

Ибо время близко.

Метро

Отлично. С чего начнешь? А вот прямо отсюда и начну, с сегодняшнего дня, с набитого вагона метро. Эвакуировались с поверхности в надежде переждать свою жизнь. Я тут в своем подполье, как хитрый гном в подземном лабиринте, склонился, - воспаленные глаза, - набиваю указательным пальцем непослушные символы. Свободные бесплатные буквы сейчас в дефиците - порасхватали все на логотипы, на товарные знаки. Надо пользоваться тем, что есть. Ну да мне много и не надо - из обломков, из фантиков, из мусора я насобираю себе альбом воспоминаний и подпишу его зелеными чернилами «Дмитрий Козлов. 20 век кончился. Иллюстрированное пособие по выживанию в серной кислоте».

Пищеварительный тракт рычит и булькает, замусоренный лапшой быстрого приготовления, крепким чаем, пузырями горячего метана и испуганными нематодами. Хорошо что эфир наполнен грохотом колёс, аэродинамическими завываниями и гулом пассажирского трепа.

Куда я несусь по этой трубе, как блудница верхом на стальном звере, исписанном нечитаемыми граффити? Неизвестно. Я не знаю, и загадочный молодой человек в рубашке в крупную клетку не знает, и бодрая бабушка, сопровождающая внука, наряженного в бандану с черепами, и ухоженный мужчина, щедро излучающий на нас свой успех, и, двигающая челюстями, бесцветная метелка тоже не знает.

Даже машинист. Хотя для него туннель выглядит по-другому. Всю смену он проваливается в черное бездонное влагалище, в страшную тайну. Летит, летит, но не достигает ни дна, ни покрышки, ни насыщения - одни неврозы.

У меня свои собственные капризы - лихорадочно изрыгаю свои непереваренные мысли. Не хочу долго держать их в себе. Ценность информации падает с каждой минутой, она устаревает, подгнивает и теряет товарный вид. Пусть все эти сентенции вываливаются сами, вполыхах, как парашютисты из люка, как абортивный материал, - неопределённо-живые, неокончательно-мёртвые; сюда - на кафель прагматической банальности, на казённые простыни с ведомственными штампами. Пусть все рассыпается как опрокинутая мозаика цветных безделушек. Пусть предикаты и субъекты плавают неразличимые в жирном бульоне, в этом вагоне, наполненном мягкими недолговечными телами, аморфной массой жизни, все еще теплой и булькающей, уставшей и нейтрализующей сама себя как котята в мешке, идущем ко дну.

Все замечательно, только по ногам мне не надо ходить. Потому что за поручни надо держаться, вот почему.

Сумка клетчатого в кедах болтается перед лицом крупной женщины, это раздражает, но она молчит и надеется, что он сейчас выйдет, а он все стоит, не по годам отрешенный, и поблескивает своими очаровательными глазами в позе принявшего свое назначение в этой эпохе.

Раимжон шомурзоев и нурмагомед бобохонов циклически переводят взгляд с входящих на выходящих. Им кажется, что они - в подземном дурдоме. Как знать...

Добрая бабушка играет на публику:

- никита, вот мама вернется из италии, я ей все расскажу как ты себя вел.

Ага, расскажи. Мама пусть тоже расскажет как она себя вела, мне не терпится узнать.

Делаем равнодушный вид, пытаемся отгородиться и замкнуться. Но мы нуждаемся друг в друге, в одобрении. Взгляды уперты в пустоту перед собой.

да-да, вы нужны мне. Я нужен вам. Взаимно-паразитический симбиоз, порочный садо-мазохистский круг.

Кто кроме вас воспоет меня как уникального. Вы - мой фон, мое зеркало, моя сцена. Кто кроме меня обратит на тебя внимание, воспоет твою уникальность, вознесет и богосотворит тебя, моя неприметная незнакомка с жевачкой во рту и потухшим взглядом?

Серая футболка, в носу пирсинг, жиденький хвостик бесцветных волос. Что она хранит в этом угреватом вместилище личных воспоминаний? Мне интересно это, но только до следующей станции. А пока я буду звать тебя Злая Мышка.

Или вот еще - Сергей Заскоков. Светлая рубашка в тонкую полоску, наутюженные брюки, пояс с пряжкой, несущей какой-то товарный знак, строгие, притворяющиеся золотыми, часы. Ну и, конечно, лакированные туфли с длинными узкими носами. Прическа выдаёт в нем усердного слушателя тренингов по развитию лидерских качеств и секретам успешных продаж. Полный ежедневник жизненных целей.

Не хочу тебя расстраивать, Серега, но мы все обречены и ты не успеешь расчитаться за свои кредиты. Всю оставшуюся вечность коллекторы будут ежедневно слетаться и выклевывать твою печень в счет погашения задолжности.

В этом и заключается истинный смысл метро: ярмарка поддельного безразличия, любительский театр, кастинг на роль пассажира, бутафорские жетоны, запахи гнилых зубов, отсыревших ботинок; полный вагон людей, занятых воспоминаниями своей сумбурной жизни, которая так внезапно закончилась, не дав ни одного ответа. Очередной день в очередной попытке примириться с пустотой впереди, с этой проблемой номер один.

По голове себе постучи. Или вон бабушке своей, она у тебя добрая, я смотрю. Разошелся тут...

Гастарбайтеры во втором поколении, коренные лимитчики, межгалактические беженцы, внутривенные мигранты. Мы - как семена марсианской травы, брошеные в городской бетон. Глядя на нас, пробивающихся из каждой трещины, можно подумать, что мы опасные и живучие, а нас просто много, мы идем волна за волной. Молчаливые огнетушители, висим на стенах, ржавеем и никто не будет использован по назначению до списания.

«Осторожна звери вырываюца следущая станцыя Мерский праспект»

Вошла очередная порция человеков. Среди них - наемник. Это такой тип подземного артиста. Они бывают двух видов: одни - в черном, другие - в камуфляже. Черные носят берет и длинные волосы, камуфляжные - кепки а-ля «полевой командир» или кожанную голову. Основу же их имиджа составляют бундесверовские ботинки, напряженная спина и суровый мужественный взгляд.

К нам пожаловал солдат удачи в тщательно подобранном черном облачении и с аккуратно расчесанными усами. Невозможно отвести взгляд: дорогущий кожанный рюкзак, неимоверный френч из каких-то закрытых тоталитарных каталогов и нумизматический орден Железного Креста на шее. На нашем фоне он смотрится как черный лебедь среди взъерошенных уток. Раимжон и Нурмагомед пытаются считать это стилистическое послание. Кожанные перчатки с голыми пальцами произвели на них двоякое впечатление.

- Бабушка, смотри - у дяди перчатки порвались.

Трое студентов - два парня и девушка - ржут как заведенные после каждой произнесенной фразы.

Мы едем-едем-едем в далекие края.

Брррр...

Это еще что? Состав остановился посреди тоннеля. Извивы кабелей на стенах оцепенели.

Потянулись минуты скованной тишины. Все ждут что вот-вот тронется. Связи нет.

- Бабушка, я хочу писать...

- Молодые люди, откройте форточку, пожалуйста, духота ужасная.

- Все открыто уже.

- Кошмар, мы так задохнемся тут.

- А вы не могли бы сумку свою убрать куда-нибудь, чтобы она мне в лицо не висела?

- Постоянно все ломается. Разруха...

Сергей Заскоков нервно поглядывает на часы.

Вот это и есть настоящая жизнь - ты заперт в душном механизме, тебе кажется, что это - временно, вокруг тебя чужие случайные люди и ты ничего не можешь с этим поделать.

Это и есть наша основная деятельность - ждать, следуя системе различных табу и ритуалов. Не подкладывать пальцы под поручень. Не совершать акты незаконного вмешательства. Не прислоняться.

Деятельность пустая и самоуспокаивающая как идиотское слово «хронотоп».

В такие моменты время начинает материализовываться в виде жирного питона, медленно стягивающего свои объятья на твоей беспомощной фигуре. Начинаешь крутить головой по сторонам. На каждой ровной поверхности - реклама. Задорные слоганы:

«Будущего осталось немного - успей купить его сегодня!»

Все строят планы на будущее. Плотность планов и ожиданий на еденицу времени постоянно растет. Скоро эта плотность превысит критический порог и образуется черная дыра. А может мы уже в дыре, в утробе матушки Астарты.

Как бы прислониться, чтобы подремать? Нет, спать невозможно, можно только тоскливо бредить. Буквы стремительно заканчиваются, иссякают. Слова вязнут в болоте. Сколько мы уже стоим?

Стоим...

Все еще стоим...

- Неканонический библейский текст... Семь букв...

Неунывающая женщина разгадывает кроссворд.

- Апокриф.

- Опокриф или апокриф?

- А.

- Не подходит.

- Почему?

- Первая О.

- Почему О?

- Ну вот тут по вертикали - «мохнатое парнокопытное животное, четыре буквы, первая Л» - это же лось?

- Может «лама»?

- Точно - «лама», тогда «а-по-криф»! Так мы сейчас все разгадаем.

- Бабушка, я писать хочу...

- Как мне с вами повезло. Эрудит. Вы, наверно, в библиотеке работаете?

- Нет. Сомелье на комбинате минеральных удобрений. Специализируюсь на подкормке для растений.

- Это что-то вроде технолога?

- Никита, потерпи, сейчас поезд поедет..

- Они чего там - сдурели что ли? Сколько можно стоять?

- Вот кнопка - нажимайте, спрашивайте.

- Извините, а долго мы будем стоять?

- Я не знаю, станция не отвечает, как будет информация я объявлю. Пока стоим.

Мышка вынимает из уха наушник и обращается ко мне:

- А чего стоим? Сказали что-нибудь?

- Загорелся красный свет и машинист испугался.

- Аааа... понятно... Мне на следующей выходить...

- Везет. Что слушаем?

- Царь и клоун...

- Может на рельсы кто-то упал.

- Кортеж с президентом пропускаем...

- Ничего смешного, когда Йейтсын приезжал год назад, нас тут два часа держали безо всяких объявлений.

- Или пожар.

- Если пожар, надо надо на тряпку помочиться и дышать через нее.

- Никита, давай мы сейчас в платочек пописаем, чтобы дышать...

- Что случилось? Пожар что-ли?

- Типа станция горит..

- Да не станция, а красный свет горит.

- Это, наверно, сектанты рельсы перекрыли - требуют Марченко освободить.

Из заднего вагона доносится дружный пассажирский хор имени Обреченного Энтузиазма:

"Мы едем-едем-едем в далекие края

Хорошие соседи веселые друзья..."

- Пешком бы уже сто раз дошли. Как отсюда выбраться?

- Изобретатель электродвигателя переменного тока, 5 букв.

- А буквы есть?

- Нет. Сейчас все буквы запатентованы, свободных совсем не осталось.

Студент - копна блондинистых волос, впалые щеки с пятнистым румянцем и приподнятые брови, - что-то корябает маркером поверх рекламы Интерколлапсбанка:

«24 мая Тоха, Дрон и Вика продолбали здесь два часа своей молодости.»

- Молодые люди, позвольте мне ваш фломастер, для автографа...

Анна Максимовна, заслуженная артистка, возможно экс-меццо-сопрано, встает со своего места, хватает маркер и начинает облагораживать рекламную продукцию, со знанием дела пририсовывая ко всем фигурам гипертрофированные гениталии. Потом делает обманное движение, как бы отдавая маркер Тохе, но засовывает его себе за пазуху. Толкает студента на место, где сидела и усаживается ему на колени.

- Поехали кататься! Осторожно, чувства обостряются! Следующая станция - Вэдээнха!

Возраст надежно замаскирован под слоями косметики и гроздьями украшений. Легкомысленные цветастые брюки и блузка подчеркивают ее формы, рельефные, но представляющие скорее исторический интерес. Тоха и Дрон задыхаются от конвульсивного смеха. Прима солирует, подпитываясь взглядами невольной аудитории.

- Тебе не тяжело?

- Тяжело.

- Ну не ври. Меня носил на руках весь Зальцбург... ну... поехали! Давай, крути штурвал, Юнга... Ах, как хочется прислониться к этой холодной поверхности, манящей надписью «не прислоняться»! Ну откройся же мне - ты ведь не сводил с меня глаз от самой Тимирязевской.

Это скрадывает еще какое-то время. И даже немного приподнимает настроение. Только студентка Вика почему-то разнервничалась.

Стоячие уже расселись на полу, зашуршали всем, что случайно оказалось у них с собой - конфеты, газеты, документы, носовые платки.

- Я тебе говорил, надо было раньше выходить, сейчас бы уже были на выставке, так ты ж пока соберешься.. Каждый раз с тобой одно и то же...

- Да, Юра, это я виновата что поезд остановили! Вечно крайнего ищешь... я, между прочим, говорила, что надо на автобусе ехать...

- Надя, каком автобусе?

Тут наемник внезапно расстегивает свой френч, вытаскивает оттуда пистолет, «ого! нифигасебе!» взводит его, и со страшным лицом протискивается к коробочке «экстренная связь с машинистом». Наставляя ствол на переговорное устройство, как будто машинист сидит прямо там внутри, начинает истерически голосить.

- Вагон номер восемь. Я могу получить внятный ответ, что происходит? Долго еще меня будут тут блокировать?

- Я вам говорю, станция не принимает, запрещающий сигнал...

- Не принимает?! Это что - аэропорт? щас вы у меня примите!

Поворачивается в салон.

- Мужчина, уберите оружие, пожалуйста! Вы что, совсем уже?

- Простом автобусе, Юра, простом, который по земле ездит!

- Что сегодня за день такой! С утра все наперекосяк. Сначала в лифте застряла, теперь - в метро.

- Ну теперь понятно из-за кого это все.

- Надя, слушай, может хватит уже, а?

- Да уберите пистолет! Сейчас поезд дернется, выстрелит случайно, попадет в кого-нибудь...

- Не выстрелит...

- Что это за манера вообще такая - чуть что - за оружие хвататься?

- Сам завелся, и меня тут заводишь!

- Мущина, можно ваш пистолет на секундочку? Мне тут нужно один вопрос решить.

- Хе! Да это муляж! Сплошная фуриловка кругом!

Вика не теряет надежды вырвать Тоху из лап беды.

- Антон, встань сейчас же!

- Да ладно, чего ты...

- Антон!

Пытается встать, но заслуженная артистка хватает его за шею, прижимается.

- Неужели ты бросишь меня... одну ... в этом подземелье? После всего что было... я по сих пор храню твой фломастер как талисман, как залог нашей верности!

- Андрей! увези меня отсюда!

- Вика... Куда я тебя увезу?

Вика протискивается через развалившихся на полу в другой конец вагона. Анна Максимовна трагическим голосом под аплодисменты:

- Андрюшка! не ходи за ней! Она плохому научит.

Овация прерывается голосом по трансляции:

«СТАРОЖН ЭЩАЯ ТАНЦЫЯ ВСКАЯ! РОЖНО ВЕРИ АКРЫВАЮЦА ЪЩАЯ ТАНЦЫЯ ПРАСПЕКТ! АСТАРОЖНО ДВЕРИ ЪАЮЦА СЛЕДУЮЩАЯ СТАН!»

«ПОЕЗД ПРИБЫЛ НАКАНЕЧНУЮ СТАНЦИЮ АБАРОННАЯ НЕЗАБЫВАЙТЕ СВАИ ВЕЩИ ВВАГОНАХ ИЛЕКТРАПОИСДА»

- Поезд уже не выдержал, взбесился... Машинист! Алё! Молчит чего-то...

- Он уже слинял наверно.

- Слушай, што этот женщина щас сказал?

- Товарищи! Значит тут такое предложение... выбираться самостоятельно. Надо открыть двери и пройти в первую очередь узнать - что с машинистом... Потом двигаться в сторону венского проспекта - туда ближе...

- Подождите, подождите! Последнне слово осталось - «восприятие, искаженное под воздействием субъективных факторов». 7 букв.

- Мужик, ты - провокатор. Вот! Читайте правила на стене висят. Ждать команды дежурного по станции.

- Меня зовут Константин Михайлович Кандыба, я - председатель профсоюзной организации ОАО Стройтрест-99.

- Товарищи, у кого есть фонарики, какое-нибудь оружие или инструмент, проходите сюда ко второй двери.

Печальный клетчатый юноша в кедах деловито извлек из своей сумки фомку-гвоздодер зловещего вида и направился к месту сбора вокруг профорга.

Свет моргнул и притух наполовину. Это стимулировало сомневающихся. После непродолжительной возни, двери раздвинуты.

Попрыгали из вагона и сразу же дружно закурили. Профорг с наемником направились к первому вагону. Пока мы помогали вылезти неуверенным в себе пассажиркам, разведка вернулась:

- Машиниста нет. Дверь открыта, а его нет.

- Все. Пошли.

- Антон куда ты идешь? Там вас раздавит поездом!

- Вика, надо выбираться.

- Неужели ты меня бросишь в этом подземелье... одну... после всего, что было?

- Иллюзия...

- Что «иллюзия»?

- Искаженное восприятие. 7 букв.

Мясорубка

Накануне выхода этого номера у нас в редакции оказались документы, проливающие свет на трагические события годичной давности вокруг штурма Музея Современного Искусства на Ленинском проспекте. Крупицы фактов, собранные независимым журналистом Владленом Дубицким, соединяясь один с другим, складываются в общую картину тотального беспредела во власти. В очередной раз исполнительная вертикаль продемонстрировала нам свой цинизм и пренебрежение законом, при полной неспособности справиться с задачами общественной безопасности в мегаполисах.

Еще свежи воспоминания и тот шок, который мы все испытали, наблюдая в прямом эфире за операцией спецназа МВД, спровоцировавшей массовое самоубийство забаррикадировавшихся сектантов, однако многие детали происходившего так и остались за кадром экстренных репортажей. Заинтересованные лица сделали все возможное, чтобы избиратель получил только одну, "правильную" ТВ-картинку. Тем не менее, у общества осталось много вопросов, не получивших ответа в официальной версии событий. Вопрос номер один:

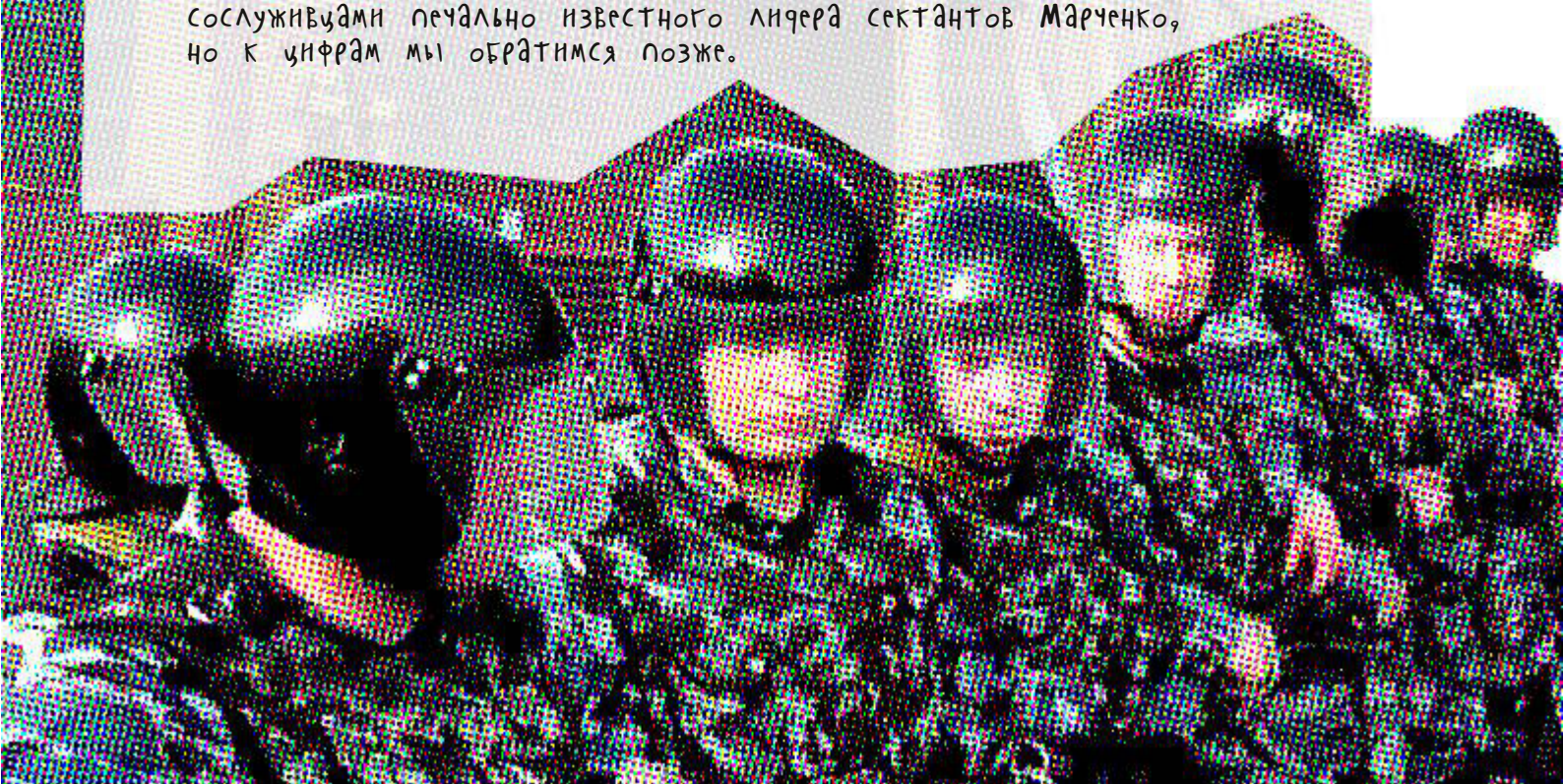
Кому это было выгодно?

Или в развернутой формулировке:

Как повлияла эта трагедия на исход прошедших сразу после нее выборов?

Случайно ли оказался в нужное время в нужном месте, стремительно обошедший действовавшего губернатора Олег Туполев, этот джокер, эффектно появившийся из президентского рукава?

Расследование Владлена Дубицкого расставило многие точки над "и". Архив, до сего момента считавшийся утраченным, содержит материалы, указывающие на то, что сценарий произошедшего был написан внутри группы Маркова и Ахримчика, бывших заместителей Александра Парусова, а заказ на создание чрезвычайной ситуации, маскирующей смену власти, пришел непосредственно из цитадели. Это предположение, озвученное еще по горячим следам некоторыми политологами, нашло свое документальное подтверждение. Некоторые факты и вовсе поражают, как например, масштабы финансовой поддержки "Ковчега Спасения" со стороны корпорации "РосАлатырь", по странному стечению обстоятельств, управляемой бывшими сослуживцами печально известного лидера сектантов Марченко, но к цифрам мы обратимся позже.



Серию публикаций этого архива мы решили открыть репортажем, посвященном истории его появления у нас.

Для тех, кто не следит за городской криминальной хроникой, напомним, что полгода тому назад тело журналиста Владлена Дубицкого было обнаружено на пустыре около ТЭц 3. Следствие шло крайне вяло и на данный момент получить внятный комментарий о его ходе из ГУВД нам не удалось. Само же убийство, очевидно, носившее заказной характер, не вызвало широкого общественного резонанса.

А началась эта мясорубка 14 августа. Этот день стартовал для меня смс-ребусом:

«БуМАГИ ДубицК ПАВЕЛ ПИНГВИН 1300 ТРИуМф АРКА»

Перезвонить не получалось - на том конце просто не отвечали, хотя, когда я написал зондовое «ок. Буду», мне моментально ответили - «до встречи».

«Триумфальная арка». Странное место. Когда-то неплохая бюджетная точка со временем превратилась в штаб-квартиру всякой ультра-радикальной шпаны. Место разогрева перед уличными подвигами и демонстрации своих убогих татуировок.

Надеюсь, что не встречу знакомых. Час дня. Захожу в этот гадюшник - там штук пятнадцать столов. И сразу без инфракрасного бинокля вычисляю своего клиента. Посетителей немного, все сидят люди как люди - кампаниями по нескольку человек, и только в темном углу, один, как луна на небе, пытается принять непринужденную позу паренек в черной футболке с эмблемой Питтсбург Пингвинс. Ага! Паззл складывается.

- Павел?

- Мм..

- Здравствуйте. Я - Дмитрий. Я получил ваше сообщение...

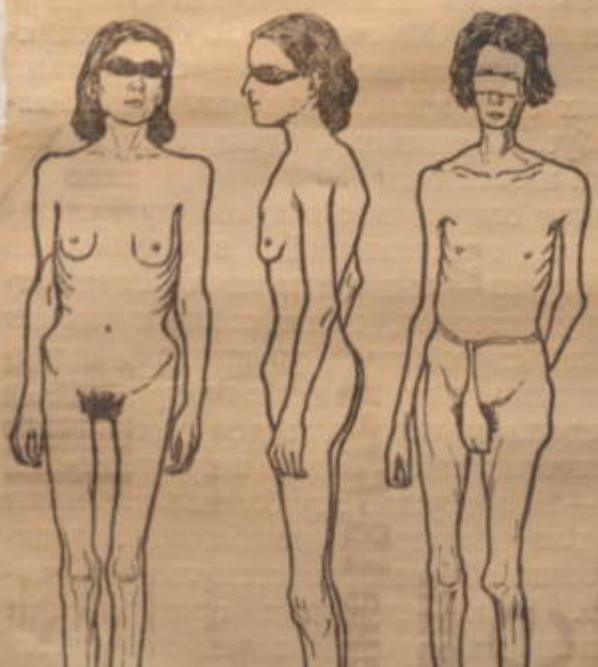
Полноватый, заросший щетиной ребенок. В течении следующих нескольких минут пытаюсь выдавить из него хоть одно слово. Ну или хотя бы конверт, пакет, портфель, папку, флешку, диск, хоть клинописную табличку или папирус - что-нибудь выдавить. Намекаю, спрашиваю напрямую. Он кивает, делает понимающее лицо, но ничего не дает. Такое бывает - неудачные розыгрыши, богатая фантазия, справка из ПНД, - все понятно...

Тут из подсобки к нам подходит какая-то гражданка в фартуке, смотрит на этого Пашу и начинает делать ему магические знаки руками и лицом.

Да он - немой!

А может еще и глухой. Подруга из посудомойки, судя по всему, хочет Пашу о чем-то предупредить - выражение лица такое - заботливо-тревожное. Мой клиент, похоже, успокаивает ее - типа «котенок, все нормально». Котенок развела руками недовольная и удалилась восвояси с видом «я предупреждала».

Рис. 6. Болезнь Иценко—Кушинга. Больному 13 лет.



Тотен хозен... безмолвное интервью. Он меня слышит или по губам читает? Ладно, перехожу на жесты. Пытаюсь донести до него, что я готов взять у него что-то прямоугольное и уйти, потому как очень занят и вообще - жарко.

Похоже, что весь кабак бросил свои дела и смотрит только на нас. Меня внимательно изучает хмурый юноша напротив, на обритом черепе которого прочерчены несколько розовых шрамов, причем разной длины и направления - непонятно как он их получил - похоже попал головой в какой-то сельско-хозяйственный агрегат. уютненько тут.

А этот молчун Паша по-хорошему со мной расставаться не хочет и извлекает заранее приготовленную салфетку, кладет на стол передо мной, а на ней карандашом вычерчено «$5000». Здравствуй, дорогой ты мой Марио Лемье!

Да. Похоже моя версия трещит по швам. Источник пожелал остаться неизвестным, но хорошо смазанным. Владлен, видимо, успел почувствовать угрозу, и, не долго думая, сунул свои бумажки в самые надежные руки. Руки, которые молчат.

На служебной карточке у меня 2000 рублей. Даю ему понять, что хочу сбегать в туалет и все такое.

Иду звонить. Звоню тому, звоню этому, но все расползлись как тараканы по щелям и не желают со мной общаться. Надо взять решение на себя.

Эни-бени-раба...

Решаю послать этого пингвина подальше - пять тыщ за чемодан вырезок из «Пионерской правды» - это дороговато. Подхожу к столику, и тут...

Тут надо сделать небольшое отступление. В такие моменты так хочется заскулить: «Почему я?! Почему именно сегодня?! Что ж мне так не везет!» итд. При этом, почему-то никого в субботу утром не терзают вопросы: За что подарили жизнь именно мне? За какие заслуги на меня до сих пор не упал метеорит, обломок очередного боинга или орбитальной станции? Почему пьяный прокурор на своем сраном ландкрузере, освященном лично архиепископом Серногорским Мефодием, размазал по пешеходному переходу беременную жительницу Энска, а не меня, распрекрасного и уникального?

Вилки в столовке кончились - все, фортуна развернулась спиной, почему мы раньше не пошли, я же говорил они всегда кончаются, стоит нам появиться итд. удобно быть убежденным атеистом пока все хорошо и уже в падающем самолете взывать ко всем подряд потусторонним силам, чтоб они оставили немедленно все свои дела и бросились запускать заглохший двигатель.

Но скулить правда хочется - ничего не поделаешь. Ну правда, - почему я-то? А?

Подхожу к столику, открываю рот и тут мое лицо почему-то втыкается в липкую поверхность стола, руки летят куда-то назад и вверх, закручиваются за спину, а в зад упирается что-то живое и агрессивное. Чортблин! Что случилось? Что за хрень?

Раздается несколько, одновременно вещающих голосов; я их отчетливо слышу, но не могу, совершенно не могу понять в какие фразы они собираются скомпилироваться в моем сознании. Ошибка ввода-вывода. Слова еще не обрели своих значений, услышанные звуки еще не составились в понятия, но общая тематика происходящего уже узнается по интонациям, по атмосфрере. Вторжение государства в твою жизнь - это всегда немного как шумовая граната, на какое-то время глохнешь и цепенеешь.

Здесь работает милиция.

Выходим, выходим в зал... ножи кастрюли оставляем... выходим... ноги на ширину плеч я сказал... лицом к стене...

Причем для меня, обитающего в новостной среде, это не должно было стать сюрпризом. Была оперативная информация о готовящихся акциях протеста, и, понятно, что на эти случаи есть план превентивных мероприятий, куда входят в том числе профилактические зачистки. Отлавливают всяких активистов, всяких неуравновешенных и политически-активных, безо всяких ухищрений начинают их высаживать, выстраивать, и тут уж они сами нарываются либо на хулиганство, сопротивление и административку, либо на хранение - кому как повезет, главное, что к условной дате все забияки сидят на нарах или на измене.

В кармане у меня удостоверение выданное редакцией, это конечно не членский билет Союза Журналистов, но делает мою роль в сегодняшнем водевиле немного особой.

- В чем дело? Че такое?

- Ни в чем. Проверка паспортного режима. Документы есть?

- Да руки-то зачем ломать?

- Документы, удостоверяющие личность, есть?

- Да есть, есть! В кармане лежат.

- Та-ак... Козлов... Дмитрий Сергеич... Ага...

- Что-то не так?

- Нет. Все в порядке. Леха отпусти его.

Этот засранец сзади отпускает меня, я разгибаюсь и вижу, что в заведении орудуют человек десять милиции; выстроили всех вдоль стен и по одному начинают с ними просветительскую работу. Болтун Паша прижат носом к стене, его телеса ощупывает широкоспинный сотрудник в сером.

Сержант с широким располагающим лицом протягивает мне мое удостоверение. Второй в этот момент достает из-под стола полиэтиленовый пакет с надписью «Кей», заглядывает в него, достает бумажку и читает «Д. Козлов. 911 973 12 23».

– Твое?

Хороший вопрос! Знать бы еще – что там...

– Мое-мое! Это курсовик... Собирались обсудить, а тут – вы...

– Ну, что ж, щас вместе обсудим.

Предложение, двусмысленное как рельсы Октябрьской Железной дороги. Сержант принимает через стол пакет, делает мне знак и направляется в другой конец зала. Господи! Что ему еще надо? И что там на самом деле в пакете?

Тут со стороны стойки раздается шум, кто-то, начал-таки рыпаться. Сержант поворачивает морду, все еще держа пакет дубинского на вытянутой руке. На прямой между мной и дверью – только этот пакет и, наклонившийся как раз вовремя, молодой боец у входа. Стартую как форсированный V12, выдергиваю из лап закона свой курсовик и вылетаю в дверь. Звякает колокольчик и я – на улице. Стоящие возле зарешеченного автобуса милиционеры не успевают ни выставить мне ногу, ни шарахнуть дубинкой по моей непрочной черепно-мозговой голове.

Что я наделал! Вправо? Влево? Влево! В сторону центра. Зачем? Не знаю! Бью ногами в асфальт как летящая вразнос швейная машинка.

Дых-дых-дых-дых!

Улица какая-то странная. Что-то на ней не так. Пустынно? Или так кажется? Слышу сзади топот подбитых скобами ботинок и угрожающие выкрики.

Сейчас меня догонят. Я ведь совсем не спортивный. Я никогда не бегал, не тренировался. К черту! К черту! Какие-то свисты, сипы в груди. Какое-то бульканье. Вдруг что-то треснет, порвется? Какие-то горячие вещества вбрызнулись по всему нутру. Жжет в легких.

Раз-раз-раз.

Ноги, толкай-толкай. Кишки сжались в трагический комок и заныли. В висках застучал отбойный молоток. Лучше пусть сердце лопнет, чем меня размажут по асфальту или увезут, обмотанного скотчем, в гараж. Воздух через раздутые, как у иглобрюха, щеки вырывается с пузырями слюны. Надо свернуть с проспекта – здесь я все время в поле зрения, только куда?

Дряблая мускулатура... ничего... в каждой клетке набито ядовитых хромосом... в каждой из них зашифрованы днк-коды пиримидиновых проклятий... Коды протеста. Частицы, атомы вибрируют, жужжат, брызгаются. Я – это всего лишь рой рассерженных пчел.

Но даже в угаре, на бегу я успеваю заметить, что вокруг меня – самый настоящий комендантский час среди бела дня. Все светофоры мигают желтым. На каждом перекрестке – гаишник. Впереди, там где проспект выходит ко двору – оцепление из милицейских курсантов.

Курсанты... Молодые и неопределенные как заготовки шаров для боулинга. Так и ждут, что их вставят в шлифовальный станок и срежут тонкую поверхностную шероховатость, называемую сопливым словом «культура» и выкатятся они на плац, гладкие и блестящие, с тремя дырками для волосатых пальцев своих хозяев. И полетят-покатятся, сметая обреченные ряды неустойчивых кеглей.

Дыхалка кончается, а не знаю этот район настолько хорошо, чтобы уйти от беды, скрежещущей зубами в ста метрах за спиной, от восьмидесяти-килограммового отполированного шара, но деваться уже некуда – сворачиваю опять влево, под арку во двор. Колодец, напротив арки – другая арка, но на ней решетчатые ворота с дверью.

Если она открыта – я проскочу, если нет – то... хватаюсь за дверь – она на кодовом замке! Там, за решеткой, – еще один двор, а дальше – спасительный переулок и лабиринты, готовые укрыть беглого отщепенца, но между мной и моим спасением – мещанский кодовый замок...

В проем арки выскакивает рядовой с дубинкой и кепкой, съехавшей на затылок.

– Чо разбегался? Стоять! – слышно, что задыхается. Сбросив ход, приближается ко мне, глупо зажатому в углу – Пакет на землю! Руки на голову! На голову! Что не ясно?

Пытается простимулировать меня палкой, но я как-то уворачиваюсь. Видимо, с кроссом у него тоже не ахти – весь красный и мокрый.

Откуда-то сверху, как-будто с небес, – такое тут в колодце эхо, – раздается хриплый каркающий голос:

– совсем охренели! пидорасы! совести нет! устраивают тут разборки на детской площадке! пидорасы!

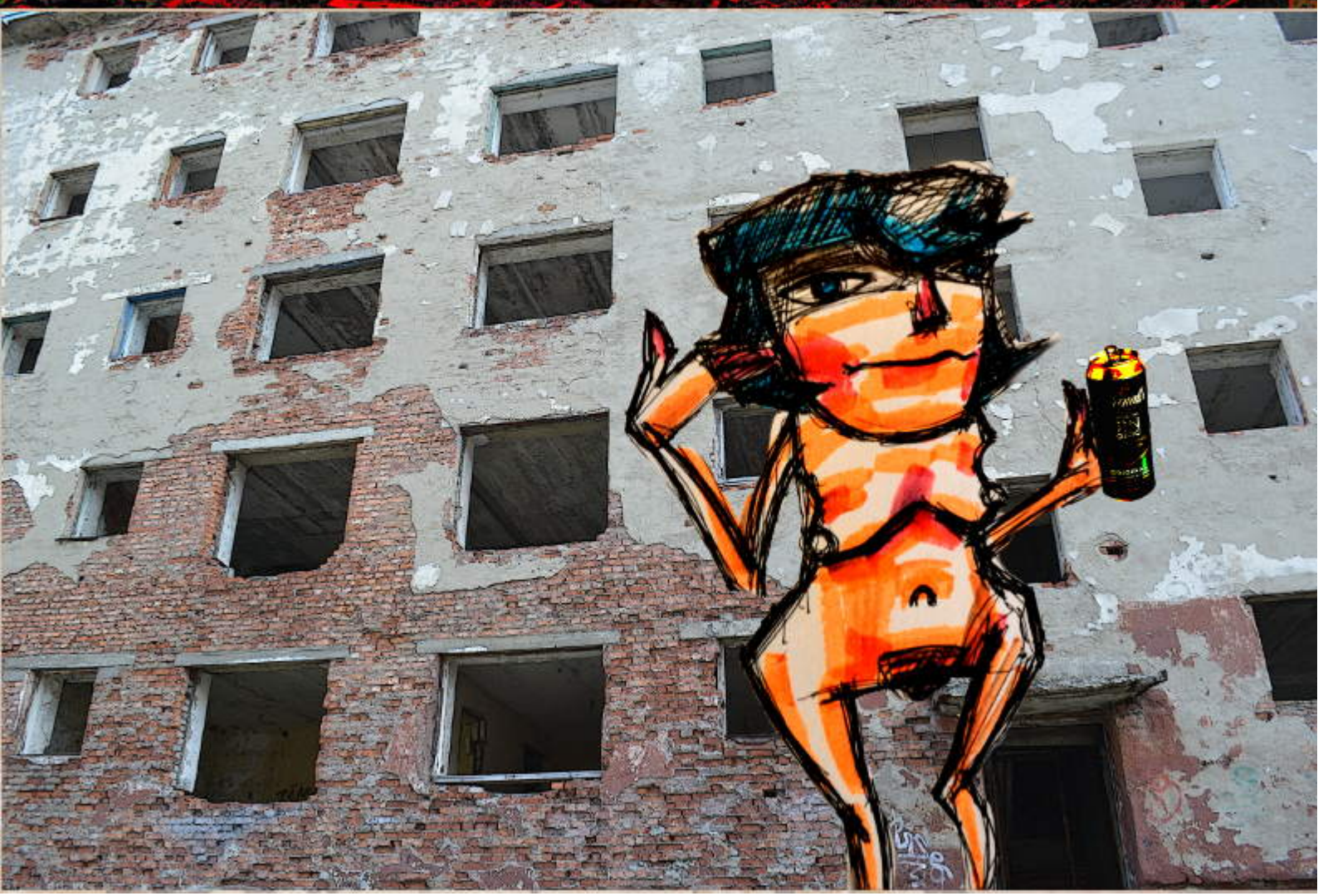
Из окна третьего этажа высунулась чуть ли не по пояс лохматая старуха. Даже отсюда снизу видно что она очень пьяна и очень беззуба.

– охренели совсем уже! пидорасы! сейчас в милицию позвоню! приедут отхерачат всех! охренели! на детской площадке!

Милиционер поколебался секунду и полез отстегивать от пояса газовый баллончик. В этот момент я услышал за спиной щелчок – дверь во двор стала раскрываться и из этой двери выскочил, впереди выпустившей его хозяйки, огромный ротвейлер, с места кинувшийся на человека с палкой.

Тут уж все дружно заорали каждый свое – старуха, собака, ее хозяйка, несчастный рядовой – все кроме меня, проскочившего в раскрытую дверь и задышавшего вторым, стайерским дыханием, новоявленного партизана прижимающего на бегу к груди пакет дубицкого, пакет Паши-Пингвина, свою курсовую.

°°°° Рыбный день °°°°



Надо пойти снять белье, пока чайки его не засрали. Все уже, наверно, высохло сто раз - жара прямо с утра. А я рада, что жара - можно по улице голой ходить и загорать. Выходишь из прохладного подъезда - и сразу волна тепла на тебя наваливает. И глаза сразу ничего не видят - морщишься как дура. Прямо чувствуешь как жесткие лучи полируют кожу, выравнивая угревые бугорки, растапливают вонючие сальники, испаряют, выжигают, дезинфицируют всю эту смрадную грязь, что наслаивается на тебе пока сидишь в своей берлоге.

Люблю это время - пока пацаны спят, пока голова еще соображает с утра - погрузиться в простые полезные дела. После полудня опять навалится ломота, кисель в голове, надо хоть что-нибудь успеть сделать.

Капкан бухтит, что мы скатились в матриархат. Сам скатился уже дальше некуда. Не понимаю - как можно спать на мокром, обоссаном матраце? Воняет мертвецом на всю квартиру.

Без меня давно бы уже заросли говном по самые уши. Или сторчались как доктор и его глюконавты в аптеке. Свобода - это, в первую очередь, ответственность. Не выношу хаос вокруг себя. Хотя руки порой тоже опускаются - сидишь целый день, смотришь молча на холодную батарею и думаешь: «да какой смысл рыпаться, провались оно всё». День, два, потом вскакиваешь и опять за все подряд хватаешься: надо в парник идти, надо подмести, надо то, надо сё.

И даже мечта у меня есть - пианино из 46-ого дома притащить, а то оно испортится там совсем. Из квартиры подполковника. Третий этаж.

Подполковник-полуполковник... Сидел тут до последнего, ждал, что дети за ним приедут и заберут на Большую Землю. А они не успели, не смогли или просто забыли про него. Сам-то он был еще совсем не старый и вполне способен отсюда вырваться, но хотел, чтобы за ним непременно приехали и начали бы его уговаривать. А тут еще жена его - взяла и померла. Может съела что-то не то, а может просто не выдержала трудностей нового времени.

Полуполковник нас вообще за людей не считал, а тут вдруг ребят позвал, чтобы помогли ему могилу выкопать. Странно... Ну пришли, а он возле ямы, уже вырытой, по форме весь такой, выбритый и смотрит мимо всех куда-то за залив. Кто-то полез его успокаивать, а он вдруг достает свой табельный Макаров и в голову себе - ба-бах. Заранее, значит, все придумал, - позвал, чтоб закопали их вместе. Положили его к супруге под бок, закидали кирпичом сначала, чтоб собаки не вырыли. А потом еще из сквера приволокли трактором стеллу с надписью «Памяти защитников Серногорска» и положили на них. Никто безумия больше такого не удостоился с тех пор, все как-то потихоньку, один за другим, отправились в межзвездные просторы, оставив свои сухие, свернутые калачиком, каркасы по закоулкам. А мы оказались самые живучие.

Какие еще планы на сегодня... Все виды принуждения у нас под страшным табу приходится агитировать. Фронт работ на ближайшее время - спилить, наконец, петли с крайнего гаража. Один остался. Машины там точно нет, но, может, хоть аккумулятор.

– Эй, гуманоиды, вы вставать думаете или нет?

Захарик вскакивает как пьяная кобра – глаза в кучу, капюшон рыжих волос раздут. Начинает толкать Калкана:

– Кэп, вставай, нам принадлежит весь мир.

Калкан улыбается во сне, морда в слюне как у кретина. Медленно-медленно возвращается к нам из своих бредней. Сразу мрачнеет и начинает ныть и причитать.

– Эхэ-хэ-хэ... Как я себе надоел... Взял бы себя, вывернул наизнанку и повесил на прищепку сушиться как носок... Медузы в голове плавают... Ты опять с первыми петухами вскочила?

– Ага... С петухами... С двумя... Первым и вторым...

– Сама ты петух!

– Эй! Ты чего там чешешься? Ну-ка, дай голову свою сюда.

– Отстань...

– Да дай посмотрю – что там у тебя. Разведешь нам тут педикулез. И побриться тебе уже пора. Давай, может, голову побрею тебе на всякий случай?

– Марина, иди в пень.

– Ну смотри сам...

– Есть чего поесть?

Вид у него совсем нехороший. Никакие витаминные салаты из одуванчиков не помогут. Желтый весь, с какими-то пятнами. Ржавые пересохшие вены с гнилыми дырками тут и там. Сколько он ещё протянет? И главный вопрос – успеет ли он запустить станцию. Захарик один не справится – кроме энтузиазма у него в активе только восемь классов и ДЮСШ номер 10.

– По кусочку хот-дога, чай.

Буржуйка посреди комнаты – как алтарь. Все функции объединились у нас одной комнате, для концентрации тепла и уюта. И спальня, и кухня, и все что хочешь. Вторая комната завалена дровами, разломанными рамами, дверями – всем что горит. На кухне куры были когда-то, сейчас просто хлам – провода, книжки, натасканные из библиотеки и квартир.

Радио от автомобильного аккумулятора. Опять – белый шум. Калкан говорит, что бесполезно в казенном диапазоне что-то искать. Все ретрансляторы вокруг обесточены. Надо слушать любительские частоты – может кто остался живой. Уже год по всем каналам – только шипение. Вся надежда на приливную электростанцию, она ведь когда-то работала, питала маяк и причалы. Будет электричество – появятся шансы.

– Кэп, давай про станцию что-нибудь решим уже...

– А что тут решать... – Калкан на мгновенье превращается в человека, – там шлюз открыт и поток мимо турбин ходит... мимо... фить-фить – понимаешь? А чтобы заслонку опустить нужно питание на приводы, а его – нет... и еще неизвестно – целые ли там генераторы, даже если закрутятся...

– А вручную?

– Ты видел эту заслонку? Ее там вдесятером не провернешь – вся приржавела, а нас всего двое с половиной...

Двое с половиной... Мы были передовым отрядом колонизации будущего, коммуна свободных новых людей, а теперь от нас осталась инвалидная команда.

– Надо пробовать... Либо тогда уже как-то буксир чинить, пока лето...

– И чего?

– И драть отсюда! Чего-чего...

– Куда драть?

– В Европу...

– Какую Европу? Захарик, ты хоть чем-то кроме мопеда управлял в своей жизни? И нет уже никакой Европы! Нет!

Да, это и так видно, что Калкан уже практически сдался...

– Ладно, давайте хоть гараж сегодня откроем...

Как закончила с матрасом – выложила его на подоконник сушить – пошла за ними к гаражам. Осмотрелась сначала – нет ли собак. Оничали совсем, бегают стаями. Но мы тут научились ловить их. Пацаны высовывают из окна палку с проволочной петлей на конце и дразнят. Как только подойдут поближе – хвать за шею и приподнимают. Поскулит-поскулит и через пару минут – капут. Втаскивают через окно и – на кухню, хот-доги из нее кромсать.

– Ну что? Как у вас тут продвигается?

– Осталась верхняя... на... хочешь попилить?

Захарик, прислонившись к металлическим воротам гаража, лихорадочно атакует ось петли обломком ножовки. Калкан сидит рядом на траве, разглядывая свои ладони.

– Еще чуток... щас... зараза... петли – с лом толщиной... как в банке...

Присела рядом. Мухи жужжат в унисон с металлическим повизгиванием зубьев пилки. Бессмысленное, все-таки, это дело – мы сами видели как соседи уезжали отсюда на машине и запирали этот гараж – ничего там нет. Даже если аккумулятор – он или уже севший, или сядет через пару дней, а скорей всего там только грязные тряпки и ржавые велосипеды, как в большинстве предыдущих гаражей. Мухи блестят на солнце и ползают как будто занятые важными делами, на самом деле – просто тусуются. Как мы.

– Все!

Захарик отвалился от ворот, весь покрасневший.

– Давайте топор сюда.

Просунули топор, отодвинули слегка воротину, стали тащить ее на себя, пока она не повисла на замке, пропуская нас внутрь. Повеяло гнилью.

– Картошка в погребе наверно.

Гараж был абсолютно пустой. Захарик нашарил крышку погреба, отодвинул и полез вниз.

– Ну, чего там?

– Темно... Похоже пусто... не... Чего-то есть..

Из-под земли показалась рука, держащая что-то круглое. Толстая шайба, покрытая пылью.

– Банка!

– Банка?

– Ну... консервная!

– Консерва? Ну-ка, дай глянуть..

Все наши шесть рук стали любовно гладить, обтирать банку по бокам.

– Гор-бу-ша...

– Горбуша дальневосточная...

– Рыба!

Калкан схватил напильник, положил банку на дощатый пол гаража и молниеносно пробил в крышке треугольную дырку. Потом расковырял эту дырку в зубастую жестяную пасть.

– Держи! – протянул мне.

Я осторожно просунула пальцы внутрь и вытащила кусочек розовой скользкой мякоти. Мы потянули носами – пахнет лежалыми водорослями. Сунула в рот – какой-то радужный, маслянистый вкус жира и далекого моря.

– Мммммм....

– Ну как?

– Я ела такую когда-то...

Дружно стали выковыривать рассыпчатые кусочки и пихать в рот. Порезались об острые края, капельки крови закапали внутрь банки.

– А много там?

– Целая полка...

Мухи решили присоединиться к нашей ностальгической трапезе.

°°°° Свадьба °°°°

Пришел я вчера в ЗАГС за свидетельством о разводе, а они там чего-то вдруг испугались, забегали. Как будто я первый, у кого такая надобность возникла.

Совещались между собой, совещались, а потом говорят, что мол на днях приходила женщина и брала свидетельство о смерти на меня. Ваша жена.

Отлично, говорю, а в чем проблема? Ей нужно было о свидетельство смерти, а мне - о разводе, что такого? Они мне говорят, что это зависит от того, какое событие раньше произошло - развод или кончина. Ну я давай наступать на них - в браке может состоять только гражданин, считающийся, хотя бы формально, живым, посему прошу считать мой брак недействительным, либо в виду развода, либо смерти одного из супругов, это, кстати, мы еще посмотрим - какого. Главное свидетельство мне выдайте.

Работницы загсовские вроде начали мягчать, сказали: «давайте паспорт, мы попробуем что-нибудь сделать», а потом опять пургу понесли: «у вас в паспорте печать несуществующего ОВД, где вы его получали?». Где получал... В паспортном столе, возле бани. «У вас печать ОВД номер 23 Красноармейского района, а там всего 4 отделения... что-то у вас с документами полная неразберихa».

Ага. У нас, у мертвых, всегда так.

Женщины смотрят на меня сочувственно: «даже не знаем, чем вам помочь, у нас таких случаев еще не было» и все такое. Потом одна говорит: «да вы не расстраивайтесь, пойдемте я вам лучше наши кактусы покажу. Пойдемте-пойдемте, не пожалеете, к нам все приходят смотреть.»

Потащила меня по коридорам куда-то вниз, по лестницам, завела в какую-то самодельную оранжерею в цокольном этаже. И правда - в два ряда полки заставлены какими-то колючими чудовищами, трубы вдоль стен, жара. Меня, говорит, Любовь Николаевна зовут и давай про кактусы мне втирать.

Да вам, я вижу, не интересно совсем, ну пойдемте на террасу - смотрите какая свадьба там - это, похоже, племянница Марченко замуж выходит.

Мы вышли на эту самую террасу. С погодой им очень повезло - ни облачка, теплый ветерок, море искрится где-то там внизу. Терраса как будто в воздухе парит, напротив парадных дверей ЗАГСА - лестница сбегает вниз к берегу. Повсюду кружатся подносы с шампанским. По периметру террасы вдоль ограждения, накрытые белыми скатертями, столы сгибаются под пирамидами закусок. Невеста с женихом хохочут где-то в эпицентре шумной кучи из гостей и родственников. Фотографы бегают кругами, пытаясь избавиться от покрывающих все и вся бликов - от моря, от бокалов с шампанским, от украшений.

Регистраторша-кактусовод выразила свое полное одобрение. Вот это свадьба! Только вот это плохая примета - слишком хорошая погода, ни облачка - сулит бедность молодым. Свадьба должна попасть под дождь - для изобилия.

Из двери соседнего здания, сбоку начали выходить один за другим какие-то люди. Никто из них, судя по их удивлению, не ожидал застать здесь такой масштабный праздник и они останавливаются в нерешительности, но сзади все выходят и выходят, напирая на предыдущих и подталкивая их вперед, и постепенно обе взаимо-незнакомые группы стали перемешиваться, поглотив и нас с Любовью Николаевной.

Оказалось, что в соседнем бизнес-центре проводят тренировочную пожарную эвакуацию и сюда ведет один из запасных выходов. Свадьба оказалась довольно гостеприимной и эвакуированные сразу стали участниками момента, получив бокалы и присоединившись к тостам и дурацким выкрикам "горько!".

Ну вот, посмотрите как здорово! Правда ведь? Ну а вы? Зачем вам это свидетельство о разводе? Вы движетесь в неправильном направлении, поэтому у вас и проблемы: то с паспортом, то с браком.

Да, Любовь Николаевна, давайте поднимем наши бокалы за акты гражданского состояния, за кактусы... Не успел я развернуться в правильном направлении, как

ПРОТЯЖНЫЙ РЕВ ОЗАРИЛ НЕБОСВОД

Все еще продолжая улыбаться мы задрали головы. ...

vk.com:garbagecollector
avekceeb@gmail.com